

Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация в государственном управлении

Володенков С.В.

Политическая коммуникация как инструмент распределения власти в системе отношений «государство-общество»

Володенков Сергей Владимирович — доктор политических наук, доцент, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: s.v.cyber@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [6206-1141](#)

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию теоретико-методологических аспектов феномена политической коммуникации применительно к процессам распределения власти внутри современных государств. В работе показаны роль, место и функции политической коммуникации в процессах функционирования системы «государство-общество». Проведен анализ существующих подходов к пониманию сущностных особенностей современной политической коммуникации, а также рассмотрен вопрос применимости традиционных коммуникативных концепций власти применительно к современным условиям. По итогам исследования сформулирован подход, в соответствии с которым под политическими коммуникациями в современном обществе понимаются системные процессы разнонаправленной конкурентной трансляции политического контента посредством использования информационно-коммуникационной инфраструктуры с целью формирования виртуального пространства ценностей, смыслов, идей, образов и представлений, касающихся восприятия всеми взаимодействующими участниками информационно-коммуникационных отношений политической реальности.

Ключевые слова

Коммуникационные концепции власти, политическая коммуникация, информационное общество, сетевые сообщества, распределение власти, интернет-технологии, система «государство-общество».

В условиях эволюции современного информационного общества коммуникация начинает приобретать все большее значение, в том числе в сфере общественно-политических отношений. Не только государство, но и само общество становится самостоятельным и равноправным субъектом коммуникационного взаимодействия, в т. ч. по поводу вопросов, связанных с распределением власти. Ввиду этого представляются необходимыми актуализация и пересмотр роли и структурно-функциональной нагрузки коммуникационных процессов в сфере современной политики, включая критический анализ существующих традиционных подходов к пониманию содержательных аспектов феномена политической коммуникации и его места в системе функционирования власти.

В рамках исследования коммуникативных оснований власти центральную роль коммуникационным процессам отводила еще Х. Арндт, с позиции которой власть является процессом многостороннего институционального общения в

коммуникативном пространстве для организации скоординированных общественных действий, которые исходят из преобладания публичного интереса над частным¹.

Говоря о коммуникативных концепциях власти, также необходимо обратиться к исследованиям Юргена Хабермаса и его теории коммуникативных действий, в соответствии с которой политика выражается в системе коммуникативных действий, обеспечивающих взаимодействие между политическими субъектами. При этом Хабермас противопоставлял два основных типа власти — формирующуюся в процессе политической коммуникации внутри общества и административную, в которой легитимность обеспечивается посредством управления политическими коммуникациями, но монопольное использование которой приводит к подрыву легитимности административной власти².

По мнению Хабермаса, сфера публичной политики, основанная на свободных от административного влияния процессах политической коммуникации и включающая в себя деятельность средств массовой информации, является ключевым системообразующим фактором, обеспечивающим стабильность современных демократий³.

Системным исследованием феномена политической коммуникации в ходе изучения вопросов информационно-пропагандистского воздействия на общественность со стороны государственных институтов власти занимался и один из известнейших представителей американской политологической науки Гарольд Лассуэл, который показал ключевую роль процессов массовой коммуникации в осуществлении централизованного вертикального пропагандистского воздействия, разработав и опубликовав в своей работе «Структура и функция коммуникации в обществе»⁴ ставшую классической схемой 5-ступенчатую коммуникации.

В рамках информационно-кибернетического подхода Карл Дойч исследовал политические коммуникации в аспекте регулирования государством информационных потоков, коммуникативного взаимодействия и информационного обмена внутри и вне политической системы, которая таким образом мобилизуется.

В своих трудах Дойч выделял различные виды коммуникации внутри политической системы, включающие в себя неформальные, институциональные и

¹ Дегтярев А.А. Политическая власть как регулятивный механизм социального общения // Полис. Политические исследования. 1996. № 3. С. 108–120.

² См.: Хабермас Ю. Философский спор вокруг идеи демократии (Лекция вторая) // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Наука, 1992. С. 31–55.

³ См.: Habermas J. The Structure Transformation of the Public Sphere. Cambridge: Polity Press, 1989. P.301.

⁴ Lasswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas / Ed.: L. Bryson. New York: Harper and Brothers, 1948. P. 37–51.

массовые, осуществляемые посредством средств массовой информации, роль которых в современном обществе становится все более значимой⁵.

При этом Дойч ввел понятие дейтократии — информационной элиты, контролирующей средства массовой коммуникации и, соответственно, властные институты, функционирование которых основано на использовании информации в своей деятельности.

Ж.-М. Коттре рассматривал политическую коммуникацию как форму обмена политической информацией при помощи СМИ между различными политическими и неполитическими акторами. При этом Коттре понимал политическую коммуникацию как отношения симметричного и несимметричного взаимопроникновения и взаимовлияния между управляющими, являющимися членами политического сообщества, и управляемыми⁶.

В рамках собственной модели политических коммуникаций К. Сиуне одной из первых показала, что по мере демократизации общества растет роль горизонтальных коммуникаций внутри гражданского общества, обеспечивающих его политической информацией, соответствующей интересам, потребностям и ценностям граждан. Такая горизонтальная коммуникация начинает конкурировать с иницируемой и контролируемой государственными органами власти вертикальной коммуникацией, направленной в первую очередь на легитимацию деятельности властных институтов в общественном сознании⁷.

Отмечал важность горизонтальных коммуникаций и Л. Пай, подразумевавшего под политической коммуникацией не только имеющие одностороннюю вертикальную направленность сигналы от элиты к обществу, но и все неформальные процессы информационного обмена в обществе, оказывающие разнообразное воздействие на политику⁸.

В конце 1960-х годов XX века Ж. Д'Арси концептуализировал «право человека на коммуникацию», выдвинув тезис о том, что вертикальная коммуникация не является

⁵ *Deutsch K.* The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. New York: Free Press, 1966. P. 316.

⁶ *Cotteret J.M.* Gouvernants et gouvernes: La communication politique. Paris: PUF, 1973. P. 178.

⁷ *Siune K., Kline F.G.* Communication, Mass Political Behavior, and Mass Society // *Political Communication: Issues and Strategies for Research* / Ed. by S. Chaffee. Beverly Hills, CA: Sage, 1975. P. 65–84.

⁸ См.: *Pye L.* Political Communication // *The Blackwell Encyclopedia of Political Institutions*. Oxford; New York: Blackwell Reference, 1987. P. 442.

таковой, в отличие от коммуникации горизонтальной, обеспечивающей общественное участие в рамках демократической социально-политической структуры⁹

Американские политологи-функционалисты Г. Алмонд и Дж. Коулман отводили политической коммуникации роль неотъемлемой функциональной частью политической системы¹⁰, посредством использования которой реализуются такие функции политической системы, как агрегация и артикуляция групповых политических интересов, а также осуществляется информационный обмен между политическими институтами¹¹.

Кроме того, понимая под политической системой в первую очередь систему взаимодействия внутри обществ, реализующую интегративную функцию, Алмонд демонстрирует важнейшую роль коммуникаций в функционировании политической системы в целом.

Особую роль политической коммуникации в современном обществе отмечали представители Франкфуртской школы — неомарксисты Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Г. Шиллер, считавшие коммуникацию инструментом идеологического контроля над массами и обеспечения стабильности существующей капиталистической системы.

При этом основную роль в создании и трансляции идеологического контента, формирующего необходимые идеологические, культурные и ценностные массовые представления, неомарксисты отводили средствам массовой информации, контролируемым капиталистической элитой, заинтересованной в поддержании стабильности и сохранении лояльности общественного мнения по отношению к существующему общественному строю, основанному на господстве капитала.

Именно массовая коммуникация является в представлении Герберта Маркузе тем инструментом, который обеспечивает одномерное медийное существование человека в современном обществе, и лишь отключение традиционных средств массовой информации может разрушить существующую политическую систему и освободить сознание людей. Что же касается самой политической системы, то в условиях отсутствия

⁹ Право на коммуникацию: обзор материалов «Комиссии Макбрайда». М.: АН СССР — ИНИОН, 1980. С. 59.

¹⁰ См.: The Politics of the Developing Areas / Eds.: G.A. Almond, J.S. Coleman. Princeton: Princeton University Press, 1960. P. 591.

¹¹ См.: The Dictionary of Political Analysis / Eds.: J.C. Plano, R.E. Riggs, H.S. Robin. Santa Barbara: ABC Clío, 1982. P. 197.

сформированной при помощи СМИ идеологии ее стабильность будет подорвана, что приведет к полному разрушению сложившегося господства капитала¹².

Говоря о неомарксистских моделях политической коммуникации, также необходимо рассмотреть позицию Герберта Шиллера, который отмечал роль массовой политической коммуникации в обеспечении стабильности современного общества путем формирования политических мифов, на которых основывается функционирование существующих политических систем и сохраняется общественный порядок, основанный на господстве политических элит в современных государствах¹³. При этом массовые коммуникации являются, по мнению Шиллера, эффективным инструментом осуществления манипуляций общественным сознанием.

Отдельно остановимся на работах представителей Торонтской школы коммуникативистики Х. Иннисе и М. Маклюэне. Согласно позиции Инниса, изложенной в его теоретических трудах¹⁴, сформированный в обществе тип массовых коммуникаций в итоге оказывает самое непосредственное влияние на определение типа общественного устройства, использующего определенные коммуникативные технологии в рамках своего функционирования.

Тип применяющихся в обществе коммуникаций также вызывает соответствующие политические и социальные эффекты. Более того, как считал Иннис, находящаяся у власти элита всегда контролирует инструменты, каналы и средства массовой коммуникации, в связи с чем, анализируя используемые в конкретном государстве типы, формы и технологии коммуникации, можно определять и тот тип политики, которая проводится в этом государстве.

Что важно, при технологических трансформациях в сфере массовых коммуникаций и следующих за ними изменениях в коммуникативной среде неизбежно меняется и тип общественного устройства.

Данный подход весьма актуален для современного информационного общества в условиях происходящих в нем трансформаций, вызванных активным проникновением в повседневную жизнь и развитием интернет-технологий массовой коммуникации. Это касается не только возможных общественных изменений в глобальном масштабе, но и того, контролирует ли кто-либо из представителей технологически развитых государств интернет-пространство согласно концепции Инниса, либо же интернет

¹² Маркузе Г. Одномерный человек // Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М.: АСТ, 2003.

¹³ Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980. С. 325.

¹⁴ Innis H. The Bias of Communication. 2nd edition. Toronto: Toronto University Press, 2008. P. 304; Innis H.A. Empire and Communications. Oxford: Clarendon Press, 1950. P. 219.

действительно является открытой коммуникационной средой, как это активно позиционируется в общественном сознании.

Продолжателем подхода Инниса стал Маршал Маклюэн, который, несмотря на определенную своеобразность своей позиции, развил идеи Инниса, считая средства коммуникации определяющим фактором качественных сдвигов и трансформаций в истории общественного развития, а сам прогресс человечества следствием технологических изменений в коммуникационном пространстве. В своей работе «Галактика Гуттенберга: Сотворение человека печатной культуры»¹⁵ Маклюэн вводит понятие глобальной деревни, возникающей с развитием глобальных электронных коммуникационных технологий в современном обществе, которое сокращается в пространстве до единого прозрачного сетевого сообщества — электронного трайбализма.

На сегодняшний день, по нашему мнению, прогнозы Маклюэна оказались в определенной степени справедливы. Несмотря на отсутствие сформировавшегося единого сетевого сообщества на глобальном уровне, именуемого Маклюэном глобальной деревней, многие существующие в интернет-пространстве локальные сетевые сообщества функционируют в парадигме сетевого трайбализма, при том, что дифференциация таких сообществ по символическому, идейному, смысловому и идеологическому наполнению только возрастает, что позволяет говорить о применимости выводов Маклюэна к происходящим глобальным сетевым трансформациям на локальном уровне, а также о сетевой локализации значительной части представителей современного общества¹⁶.

Также следует отметить, что именно Маклюэн ввел понятие гипермедиа, предсказав появление мультимедийных форматов коммуникации, объединяющих в себе одновременно различные типы данных. Также Маклюэн одним из первых начал говорить о виртуализации медиапространства, предположив, что по мере развития коммуникационных технологий виртуальные политические образы в средствах массовой информации вытеснят самих реально существующих политиков.

Таким образом, ему удалось в определенной мере успешно проследить генезис коммуникационных технологий и оценить возможности и особенности их применения в политической сфере в современных условиях.

¹⁵ Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Сотворение человека печатной культуры / Пер. с англ. А. Юдина. Киев: Ника-Центр, 2004. С. 432.

¹⁶ Игнатъев В.И. Виртуализация социального пространства и сетевое основание локализации мироцелостности // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2008. № 2. С. 63–70.

Применительно к вопросу о технологической трансформации современных политических коммуникаций необходимо рассмотреть подход Мануэля Кастельса, который в своей работе «Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе» обозначил позицию, в соответствии с которой осуществление власти есть процесс генерирования и трансляции информации и культурных кодов, которые и обеспечивают содержательные основы власти, базирующейся на коммуникационных технологиях¹⁷.

При этом рамки массовых моделей поведения, которые Кастельс называет «руководящими принципами человеческого поведения», являются результатом внедрения в массовое сознание политических интересов и ценностей со стороны тех, кто контролирует каналы массовой коммуникации¹⁸.

В другой своей работе — «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» — Кастельс отмечает, что основой трансформаций, происходящих в современном обществе и, в первую очередь, создающих новый тип общественного уклада, являются изменения в технологиях коммуникации¹⁹.

Особое внимание при этом Кастельс уделяет интернет-коммуникациям, которые занимают главенствующее положение во многих видах общественной деятельности, в том числе и политической.

Авторитетный исследователь Р. Дейберт также подчеркивает роль политических коммуникаций в вопросах распределения власти внутри общества, а также изменения общественного сознания, считая, что посредством коммуникаций меняются общественные ценности, в связи с чем любые трансформации в способах коммуникации неизбежно ведут к соответствующим изменениям в политической сфере²⁰.

Анализируя работы Кастельса и Дейберта, мы солидаризируемся с их пониманием содержания и роли современных коммуникационных технологий, включая интернет-технологии коммуникации, применительно к их влиянию на современный политический процесс.

Однако следует отметить, что и Кастельс, и Дейберт оценивают роль новых современных технологий преимущественно положительно, не анализируя подробно те

¹⁷ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004. С. 327.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ.; под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 606.

²⁰ Deibert R.J. *Parchment, Printing and Hypermedia: Communications in World Order Transformation*. New York: Columbia University Press, 1997. P. 329.

угрозы и вызовы, которые стоят перед современными национальными политическими пространствами в условиях информационно-коммуникационной глобализации.

В связи с этим нам представляется важным поставить вопрос о необходимости критического переосмысления разработанных ими концепций коммуникационной трансформации в части определения угроз разрушения на основе применения современных технологий устойчивых общественных и политических отношений как внутри государств, так и на международной арене, подрыва стабильности и потери национального суверенитета в условиях технологического неравенства и существования глобальных технологических лидеров в сфере коммуникаций, имеющих собственные политические интересы, зачастую противоречащие национальным интересам других государств.

И здесь следует рассмотреть позицию сторонников теории информационного общества Ё. Масуда и О. Тоффлера, которые выделяют информацию в качестве мощного властного ресурса в современном обществе, но при этом не исключают вероятность создания новых тоталитарных государств, основанных на концентрации и контроле информационных и коммуникационных ресурсов в руках представителей одной политической группы, имеющей общие интересы²¹.

Данная позиция, на наш взгляд, является весьма актуальной, если анализировать современную политическую практику и попытки глобального доминирования со стороны одной из крупнейших держав мира.

Кроме того, говоря о теоретиках информационного общества, важно отметить подход Ё. Масуда, в соответствии с которым в современном обществе изменения в способах политической коммуникации приводят к исчезновению классов в традиционном их понимании и их смене сетевыми сообществами, а традиционные модели сменяются демократией участия²².

По нашему мнению, такого рода изменения в общественной структуре важны для выстраивания новых форматов взаимодействия власти и общества, в связи с чем мы уделяем в данной работе особое внимание анализу сетевых сообществ как виртуальных институтов давления на современные институты политической власти в технологически развитых государствах.

При этом, в отличие от Масуды, мы считаем, что в интернете как современном глобальном пространстве политических коммуникаций формируются

²¹ Masuda Y. The Information Society As Post-Industrial Society. Bethesda, MD: World Future Society, 1981. P. 179; Тоффлер Э. Третья волна. Москва: АСТ, 2004.

²² Masuda Y. Op. cit. P. 179.

дифференцированные сетевые сообщества, отличающиеся друг от друга по идеологическим, смысловым, социальным и символическим характеристикам.

Говоря о функциональных характеристиках современных политических коммуникаций, также необходимо рассмотреть подход Дэвида Свенсона, который ввел понятие *политико-медийной системы* как совокупности отношений между средствами массовой информации и государственно-политическими институтами в области их взаимодействия с обществом²³.

При этом ключевой функцией политической коммуникации, помимо обмена сообщениями, является их смысловая интерпретация, непосредственно связанная с теми ролями, которые политические лидеры, государственные институты, средства массовой информации и представители общественности СМИ и граждане исполняют в рамках политической системы.

Каждая из сторон политической коммуникации независимо интерпретирует содержание и результаты политических событий, явлений и процессов с учетом собственных ролевых характеристик в рамках политической системы. Таким образом, политическая коммуникация становится инструментом конкуренции политических интерпретаций, что ограничивает возможности государства и политической элиты эффективно обеспечивать необходимое восприятие средствами массовой информации и гражданами политической реальности.

Рассматривая основные подходы к пониманию сущностных характеристик феномена политической коммуникации, следует отметить, что не меньшее внимание, чем зарубежные специалисты, вопросу исследования природы, сущности и особенностей политических коммуникаций уделяют российские ученые.

Так, М.Н. Грачев считает, что, являясь своего рода социально-информационным пространством политики, феномен политической коммуникации представляет собой совокупность процессов обмена и передачи политической информации. При этом такого рода процессы структурируют политическую деятельность, а также придают ей новые смыслы и значения²⁴.

В целом мы согласны с позицией М.Н. Грачева, которая особо актуальна в современных условиях применения технологий массовой политической коммуникации для изменения традиционных смысловых, идеологических и ценностных пространств.

²³ Swanson D. The Political-Media Complex at 50: Putting the 1996 Presidential Campaign in Context // American Behavioural Scientist. 1997. Vol. 40. No 8. P. 82.

²⁴ Грачев М.Н. Политическая коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 1999. № 1. С. 24–39. URL: http://grachev62.narod.ru/Grachev/vestnik_1999.html (дата обращения: 29.11.2016).

В свою очередь, А.И. Соловьев в своих работах определяет массовые коммуникации как неотъемлемую часть политики, обеспечивающую различные опосредованные формы общения, а также связь между акторами власти и между государством и гражданским обществом²⁵.

Подобный подход, в рамках которого коммуникация рассматривается в качестве одного из ключевых элементов политической системы, обеспечивающих информационно-коммуникационное взаимодействие на различных уровнях, приобретает новое звучание в условиях развития интернет-технологий политической коммуникации в силу диспропорций в осуществлении сетевых коммуникаций между государством и обществом, внутри общества, а также между отдельными представителями властных институтов.

Такие коммуникационные диспропорции могут самым непосредственным образом влиять на стабильность и эффективность функционирования современной политической системы, в пространство и структуру которой тесно интегрированы новые формы политических интернет-коммуникаций.

Так, например, уже сегодня мы можем констатировать поворот традиционного направления коммуникации от государства и политических элит к обществу в формате общественного давления на органы государственной власти, инициируемого самим обществом, которое самостоятельно агрегирует и артикулирует собственные интересы в формате сетевых сообществ, лидеры же общественного мнения в сети становятся, как правило, представителями и интерпретаторами интересов и требований масс по отношению к государству и его органам власти.

Кроме того, авторитетные блогеры в интернет-пространстве на сегодняшний день выступают одновременно и в роли лидеров общественного мнения для сетевых пользователей, и в качестве официально признанных средств массовой информации, что приводит к исчезновению традиционного канала трансляции контента от СМИ к лидерам общественного мнения, описанного в классической модели Лазарсфельда²⁶, которая, таким образом, нуждается в пересмотре применительно к современным условиям общественно-политических коммуникаций.

²⁵ Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. Политические исследования. 2002. № 3. С. 5–18.

²⁶ Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The People's Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign. 3rd edition. New York: Columbia University Press, 1968. P. 179; Lazarsfeld P. Radio and Printed Page. An Introduction to the Study of Radio and Its Role in the Communication of Ideas. New York: Duell, Sloan, Pearce, 1940. P. 259; Lazarsfeld P., Merton R. Mass Communication, Popular Taste and Organized Social Action // The Communication of Ideas / Ed.: L. Bryson. New York: Harper and Brothers, 1948. P. 95–118.

Исходя из анализа существующих подходов к пониманию феномена политических коммуникаций, мы можем сделать вывод о том, что политические коммуникации являются многоаспектным и объемным явлением, выполняющим различные функции внутри политической системы, а также вне ее.

На наш взгляд, содержательное и функциональное представление о политических коммуникациях будет меняться по мере развития и трансформации технологий, обеспечивающих массовую коммуникацию в современном обществе, и технологические изменения такого рода являются одним из важнейших факторов, определяющих возможности и функциональные параметры политических коммуникаций.

При том к числу ключевых характеристик современной политической коммуникации, являющихся базовыми для формирования понимания данного феномена, мы относим следующие:

1) Несистемное информационно-коммуникативное воздействие, носящее случайный, непоследовательный и нерегулярный хаотичный характер, не может быть отнесено к разряду политической коммуникации, что позволяет исключить из дальнейшего анализа современной политической практики значительную долю информационных шумов.

2) Любой коммуникационный процесс в современной политической системе не может быть односторонним, так как в данном случае невозможно обеспечение эффективной коммуникации без учета особенностей реакции объекта воздействия, а также невозможно и формирование пространства коммуникационного соучастия, в процессе которого могут вырабатываться собственные содержательные смыслы, представления, образы и ценности.

В связи с этим на первый план с позиций осуществления эффективного политического управления выходят коммуникационные технологии интерактивной пропаганды и горизонтального информационно-коммуникационного взаимодействия политических акторов.

3) В условиях наличия разнообразных интересов и потребностей у различных участников процесса политической коммуникации сама коммуникация становится конкурентной. Она разворачивается в сфере борьбы за доминирование ценностей, образов, представлений и смыслов, обеспечивающих реализацию собственных интересов участника.

В условиях глобализации информационного пространства количество участников процессов политических коммуникаций может значительно возрастать, что определяет еще более конкурентный характер коммуникативных отношений в сфере политики.

4) Для осуществления политической коммуникации необходима соответствующая инфраструктура, состоящая из информационных ресурсов, коммуникационных каналов, генераторов политического контента, а также технологий, что позволяет в своей совокупности осуществлять реализацию процессов политической коммуникации в тех масштабах и на тех уровнях, которые определяются параметрами существующей инфраструктуры.

При этом на первый план в современных условиях выходит именно технологическая составляющая коммуникационной инфраструктуры.

5) В процессе политической коммуникации формируется виртуальное пространство, наполняемое конкурирующими между собой ценностями, образами, представлениями, идеями и смыслами, определяющими особенности восприятия политической реальности участниками коммуникационного взаимодействия.

При этом одним из важнейших эффектов, связанных со столкновением конкурирующих ценностных, идеологических и смысловых компонент в рамках единого коммуникационного пространства становится формирование такой политической псевдореальности, которая является результатом совмещения конкурирующих контентом в единую виртуальную конструкцию, содержательные характеристики которой не отвечают изначальным целевым параметрам коммуникационного воздействия ни одного из акторов.

Борьба за смещение конструируемой в ходе политической коммуникации псевдореальности в желаемую актором сторону и является сутью информационного противоборства в современном мире, при этом создаваемая псевдореальность обладает динамическими содержательными характеристиками, что требует постоянного удержания требуемого смыслового, идеологического и ценностного контента в пространстве политических коммуникаций.

6) Конкурентный характер идеологий, смыслов, символов и ценностей, транслируемых в коммуникационном пространстве, обуславливает тенденцию радикализации их политического содержания (так, по нашему мнению, даже ценность толерантности радикализируется в современном политическом пространстве и используется для политической борьбы).

Исходя из данного представления о сути и особенностях феномена современной политической коммуникации, мы можем дать собственное определение, в рамках которого под политическими коммуникациями в современном обществе мы понимаем системные процессы разнонаправленной конкурентной трансляции политического контента посредством использования информационно-коммуникационной инфраструктуры с целью формирования виртуального пространства ценностей, смыслов, идей, образов и представлений, касающихся восприятия всеми взаимодействующими участниками информационно-коммуникационных отношений политической реальности.

Список литературы:

1. *Грачев М.Н.* Политическая коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 1999. № 1. С. 24–39.
URL: http://grachev62.narod.ru/Grachev/vestnik_1999.html (дата обращения: 29.11.2016).
2. *Дегтярев А.А.* Политическая власть как регулятивный механизм социального общения // Полис. Политические исследования. 1996. № 3. С. 108–120.
3. *Игнатьев В.И.* Виртуализация социального пространства и сетевое основание локализации мироцелостности // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2008. № 2. С. 63–70.
4. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004.
5. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ.; под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
6. *Липпманн У.* Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
7. *Маклюэн М.* Галактика Гуттенберга: Сотворение человека печатной культуры / Пер. с англ. А. Юдина. Киев: Ника-Центр, 2004.
8. *Маркузе Г.* Одномерный человек // Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М.: АСТ, 2003.
9. Право на коммуникацию: обзор материалов «Комиссии Макбрайда». М.: АН СССР — ИНИОН, 1980.
10. *Соловьев А.И.* Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. Политические исследования. 2002. № 3. С. 5–18.
11. *Тоффлер Э.* Третья волна. Москва: АСТ, 2004.

12. *Хабермас Ю.* Философский спор вокруг идеи демократии (Лекция вторая) // *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М.: Наука, 1992. С. 31–55.
13. *Шиллер Г.* Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980.
14. *Cotteret J.M.* Gouvernants et gouvernes: La communication politique. Paris: PUF, 1973.
15. *Deibert R.J.* Parchment, Printing and Hypermedia: Communications in World Order Transformation. New York: Columbia University Press, 1997.
16. *Deutsch K.* The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. New York: Free Press, 1966.
17. *Habermas J.* The Structure Transformation of the Public Sphere. Cambridge: Polity Press, 1989.
18. *Innis H.A.* Empire and Communications. Oxford: Clarendon Press, 1950.
19. *Innis H.* The Bias of Communication. 2nd edition. Toronto: Toronto University Press, 2008.
20. *Lasswell H.D.* The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas / Ed.: L. Bryson. New York: Harper and Brothers, 1948. P. 37–51.
21. *Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H.* The People's Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign. 3rd edition. New York: Columbia University Press, 1968.
22. *Lazarsfeld P., Merton R.* Mass Communication, Popular Taste and Organized Social Action // The Communication of Ideas / Ed.: L. Bryson. New York: Harper and Brothers, 1948. P. 95–118.
23. *Lazarsfeld P.* Radio and Printed Page. An Introduction to the Study of Radio and Its Role in the Communication of Ideas. New York: Duel, Sloan, Pearce, 1940.
24. *Masuda Y.* The Information Society As Post-Industrial Society. Bethesda, MD: World Future Society, 1981.
25. *Pye L.* Political Communication // The Blackwell Encyclopedia of Political Institutions. Oxford; New York: Blackwell Reference, 1987.
26. *Siune K., Kline F.G.* Communication, Mass Political Behavior, and Mass Society // Political Communication: Issues and Strategies for Research / Ed. by S. Chaffee. Beverly Hills, CA: Sage, 1975. P. 65–84.
27. *Swanson D.* The Political-Media Complex at 50: Putting the 1996 Presidential Campaign in Context // American Behavioural Scientist. 1997. Vol. 40. No 8. P. 64–82.
28. The Dictionary of Political Analysis / Eds.: J.C. Plano, R.E. Riggs, H.S. Robin. Santa Barbara: ABC Clio, 1982.
29. The Politics of the Developing Areas / Eds.: G.A. Almond, J.S. Coleman. Princeton: Princeton University Press, 1960.

Volodenkov S.V.

Political Communication As a Power Distribution Tool in the System of State-society Relations

Sergey V. Volodenkov — Ph.D., Associate Professor, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: s.v.cyber@gmail.com

Annotation

This article examines the theoretical and methodological aspects of the political communication phenomenon in relation to the power distribution process in modern states. The article shows the role, the place and the functions of political communication in the “state-society” system. The author analyses the existing approaches to understanding the essential features of the modern political communication, and considers the applicability of traditional concepts of communicative power with respect to the current conditions. The study has formulated a new approach, according to which political communication in contemporary society is a system of processes of multidirectional competitive broadcasting of political content through the use of information and communication infrastructure in order to create a virtual values space, as well as meanings, ideas, images and representations relating to the perception of political reality by all the parties participating in the communication.

Keywords

Communication concepts of power, political communication, information society, social networking, power distribution, Internet technologies, the system “state-society”.